

462819

~~28.1~~

~~26/85~~

~~28.1~~

~~26/85~~

Михаиль Назаровичъ

ПЕТРОВЪ.

(Страница изъ исторіи харьковскаго университета).

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. ДЕРЕВИЦКАГО.

1914
~~4464~~



ХАРЬКОВЪ.

Изданіе книжнаго магазина Д. Н. Полуехтова.

1887.



КНИЖНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

Д. Н. ПОЛУЕХТОВА

готовится къ печати и въ непродолжительномъ времени по-
ступитъ въ продажу

КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ПРОФ. М. Н. ПЕТРОВА

ВЪ ТРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

М. Н. Петровъ. Изъ всемірной исторіи очерки. Харьковъ. 1882.
Ц. 2 р.

А. Деревницкій. Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія.
Публичная лекція. Харьковъ. 1887. Ц. 20 к.

В. Н. Бузескуль. Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи сред-
нихъ вѣковъ. Харьковъ. 1885. Ц. 40 к.

Проф. В. К. Наддеръ. Миѳическій элементъ въ исторіи. Публич-
ная лекція. Харьковъ. 1887. Ц. 25 к.

— Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи. Харьковъ.
1876. 1 р.

— Меттернихъ и Европейская реакція. Харьковъ. 1882. 2 р.

— Двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра
II. (1855—1880 гг.). С.-Петербургъ. 1885. 40 ф

— Императоръ Александръ I и идея священнаго союза.
т. I и II. 5 р.

V.N. Karazin Kharkiv National University



00550712

8

4484(2)711g
4484(4)708g



~~28.1~~
2885

~~28.1~~
20

Михаилъ Назаровичъ

ПЕТРОВЪ.

Кис

(Страница изъ исторіи харьковскаго университета).

1834

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. ДЕРЕВИЦКАГО.

4622819

~~1917~~
24867

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Іва. №

423

Проверено
ЦНБ 1939



ХАРЬКОВЪ.

Изданіе книжнаго магазина Д. Н. Полухтова.

1887.

58 56 88 99 08

Дозволено цензурою. Кіевъ. 25-го Апрѣля 1887 года.

Харьковъ. Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная, № 25-й.

20 by 29

М. Н. Петровъ.

Страница изъ исторіи харьковскаго университета.

Недавно сошелъ въ могилу одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи,—заслуженный профессоръ харьковскаго университета Михаилъ Назаровичъ Петровъ, внезапно скончавшійся отъ разрыва сердца въ ночь съ 23 на 24 января текущаго года. Вступивъ на службу адъюнктомъ по историко-филологическому факультету въ началѣ ^{въ 1870-хъ} шестидесятыхъ годовъ, покойный втеченіе 35 лѣтъ читалъ въ университетѣ лекціи по всеобщей исторіи и всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти выходомъ въ отставку прекратилъ свою долговременную дѣятельность на пользу отечественнаго просвѣщенія. Немало студентовъ,—филологовъ и юристовъ,—перебывало въ его аудиторіи и занималось подъ его руководствомъ и наблюденіемъ: въ южно-русскихъ гимназіяхъ рѣшительное большинство преподавателей исторіи и древнихъ языковъ—его ученики. Какъ ученый и литераторъ, Михаилъ Назаровичъ справедливо пользовался почетною извѣстностью не только въ болѣе тѣсномъ кругу немногихъ специалистовъ, но и вообще среди образованной публики, симпатіями которой успѣлъ овладѣть, благодаря своимъ „Очеркамъ изъ всемірной исторіи“. Все это оправдываетъ наше желаніе почтить память усопшаго нѣсколькими печатными строками.

Къ сожалѣнію біографическія данныя, которыя я въ состояніи сообщить о Петровѣ, немногочисленны и неполны. Они касаются главнымъ образомъ ви́днѣйшихъ обстоятельствъ его жизни и не затрагиваютъ болѣе интимной ея стороны ¹⁾. Это объясняется, во

¹⁾ Данныя эти заимствованы изъ документовъ покойнаго профессора, хранящихся въ харьковскомъ университетскомъ архивѣ и недавно въ извлеченіи напечатанныхъ В. П. Бузескуломъ въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ (1887, № 38). См. также его же статью въ Ж. М. Н. П. 1887, мартъ, стр. 42.

первыхъ, тѣмъ, что мнѣ пришлось познакомиться съ покойнымъ профессоромъ лишь въ недавнее время,—всего какихъ нибудь шесть-семь лѣтъ тому назадъ,—да и знакомство наше никогда не было короткимъ, а во вторыхъ тѣмъ, что, сколько могу судить по личному впечатлѣнію, Мих. Наз. былъ не изъ числа людей, легко и охотно пускающихся въ откровенности. Онъ отнюдь не принадлежалъ къ натурамъ экспансивнымъ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ всегда отличался необыкновенною сдержанностью. Къ тому же пора воспоминаній,—та пора, когда чело-вѣкъ какъ бы перестаетъ жить настоящимъ и весь уходитъ въ прошедшее, въ далекую прожитую старину, для него собственно еще и не наступила. Правда, смерть застала его на шестьдесятъ первомъ году, но онъ до конца дней своихъ сохранилъ удивительную энергію и бодрость духа, не переставалъ глубоко и живо интересоваться вопросами современности, не переставалъ заниматься наукою, слѣдить за ея движеніемъ, за ея литературою, строить планы относительно будущаго, — словомъ, смотрѣлъ не назадъ, а впередъ...

Родился Мих. Наз. 3-го Ноября 1826 г. въ городѣ Вильнѣ, гдѣ протекли и его дѣтскіе и отроческіе годы. Отецъ его, мордвинъ по происхожденію, „изъ новокрещенныхъ крестьянъ бугурус-ланской округи оренбургской губерніи“, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, вступивши въ военную службу въ 1807 г. канониромъ, успѣлъ уже въ это время дослужиться до чина унтеръ-цейхвартера 9-го класса и состоялъ при виленскомъ крѣпостномъ артиллерійскомъ гарнизонѣ. То былъ опытный воинъ, закаленный въ бояхъ, участникъ дѣла при Бородинѣ, за которое имѣлъ Георгія, побывавшій въ компанію 13-го года въ Парижѣ, Дрезденѣ, Бауценѣ, многое видѣвшій и многое испытавшій, и нѣтъ сомнѣнія, что его военные подвиги и походы давали фантазіи впечатлительнаго мальчика, его сына, обильную пищу. Что же касается матери Михаила Назаровича, то она была уроженкою Западнаго края и происходила изъ польскаго семейства Езерскихъ. Повидимому, онъ ее потерялъ еще въ дѣтствѣ, оставшись такимъ образомъ вмѣстѣ со своими двумя старшими братьями Иваномъ и Николаемъ на рукахъ у отца, который скоро обзавелся новою семьею и отъ втораго брака прижилъ еще двоихъ дѣтей. Что

сталось потомъ со всѣми этими младшими отпрысками фамиліи Петровыхъ, сказать не умѣю. Знаю только, что одинъ изъ братьевъ покойнаго Мих. Наз. въ пору его студенчества значился прапорщикомъ замостьскаго артиллерійскаго гарнизона и повидимому находился еще въ живыхъ и тогда, когда нашъ историкъ уже занималъ профессорскую кафедру. Самого Мих. Наз. сначала, какъ и слѣдовало ожидать, также предназначали къ военному поприщу, но эти планы почему-то разстроились, такъ что въ августѣ 1838 года онъ былъ опредѣленъ въ виленскую гимназію, въ которой и пробылъ шесть лѣтъ. Замѣчательныя способности юноши, его огромная память, рѣдкій даръ слова и рано проявившаяся въ немъ любовь къ научнымъ занятіямъ,—все это не могло не обратить на себя особеннаго вниманія со стороны гимназическаго начальства,—и вотъ тотчасъ же по окончаніи курса попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа по ходатайству директора училищъ виленской губерніи (онъ же и директоръ [виленской гимназіи]) командировалъ его въ Харьковъ, въ университетъ. Здѣсь молодой Петровъ вступаетъ въ корпусъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ педагогическаго института, существовавшаго тогда при Харьковскомъ университетѣ ¹⁾, и зачисляется по первому (словесному) отдѣленію философскаго факультета ²⁾.

¹⁾ Педагогическій институтъ былъ упраздненъ, если не ошибаюсь, въ 1859 г. Воспитаники этого учрежденія предназначались главнымъ образомъ къ занятію учительскихъ должностей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и до открытія на историко-филологическомъ факультетѣ особой кафедры педагогики (въ 1850 г.) обязаны были слушать нѣкоторые спеціальныя курсы, а равно подъ руководствомъ профессоровъ исполнять практическія работы, необходимыя для будущей ихъ преподавательской дѣятельности. Штатъ этихъ воспитанниковъ состоялъ первоначально изъ 40, впослѣдствіи изъ 72 человекъ и помѣщался въ томъ корпусѣ университетскихъ зданій, гдѣ теперь физическая и ботаническая аудиторія, музей изящныхъ искусствъ и кабинеты. Оба этажа были заняты дортуарами, столовою и рекреационною залами и студенческою библіотекою. Занятія происходили въ отдѣльныхъ кабинетахъ, изъ которыхъ каждый былъ рассчитанъ на шесть человекъ. Смежно съ институтомъ находилась инспекція и были отведены мѣста для карцера (темнаго) и ареста (свѣтлаго), куда сажали провинившихся студентовъ. По окончаніи курса, каждый изъ воспитанниковъ былъ обязанъ прослужить въ государственной службѣ шесть лѣтъ — учителемъ, если онъ принадлежалъ къ историко-филологическому факультету, или полковымъ врачомъ, если былъ медикъ.

²⁾ Въ 1849 г. это отдѣленіе было переименовано въ историко-филологическій факультетъ.

Это было въ 1844 году,—время, во многихъ отношеніяхъ замѣчательное въ исторіи русскаго просвѣщенія. Никогда, быть можетъ, въ обществѣ интересъ къ литературнымъ и научнымъ вопросамъ не достигалъ такой высокой степени подъема, никогда въ немъ въ такой мѣрѣ не преобладали идеальныя стремленія, никогда печатное слово не пользовалось большимъ уваженіемъ и вѣсомъ, какъ именно въ сороковыхъ годахъ. Политикою въ то время занимались мало, къ дѣламъ общественнымъ относились равнодушно и вило, за то каждая новая статья изъ области исторіи или эстетики, каждая новая повѣсть, драма или стихотвореніе, мало-мальски выходившія изъ ряду обыкновеннаго, составляли своего рода событіе: о такихъ вещахъ кричали, ихъ старались, во что бы то ни стало, достать, прочесть.... Правда, вкусъ читающей публики не отличался еще особенною взыскательностью, и въ массѣ ея продолжала царить и пожинать лавры напыщеннореторическая школа писателей въ родѣ Марлинскаго, Кукольника, Бенедиктова, но здоровый юморъ Гоголя и серьезная, безпощадная критика Бѣлинскаго дѣлали свое дѣло. Въ народномъ сознаніи исподволь совершался важный переворотъ. Мало по малу возникали новыя потребности, намѣчались новые идеалы. Гегель и отвлеченныя задачи философіи постепенно начали уступать мѣсто непосредственной дѣйствительности,—вопросамъ, которые неумолимо ставила на очередь сама жизнь. Въ Москвѣ завязалась ожесточенная борьба между только что народившимся кружкомъ славянофиловъ и такъ называемыми „западниками“, и отголоски этой борьбы проникли до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Отношеніе Россіи къ западу, ея роль въ исторіи европейской культуры, ея историческое призваніе,—все это стало живо и сильно занимать общество. Аудиторія Грановскаго, выступившаго въ эту пору съ публичнымъ курсомъ исторіи среднихъ вѣковъ, стала ломиться отъ напора слушателей, между которыми, не говоря уже объ учащейся молодежи, было множество дамъ и офицеровъ. Конечно, у однихъ эта жажда знанія, это вниманіе къ высшимъ умственнымъ интересамъ были искренни, у другихъ вызывались только подражаніемъ господствующей модѣ, но вѣдь зачастую и мода является важнымъ и поучительнымъ знаменіемъ времени....

Припомнивъ все это, мы легко поймемъ, отчего М. Н. Петровъ остановилъ свой выборъ на словесномъ факультетѣ. Быть можетъ, при поступленіи въ университетъ будущее призваніе его и не успѣло еще для него опредѣлиться совершенно ясно: изъ гимназическаго аттестата, ему выданнаго, узнаемъ, что въ исторіи онъ былъ даже нѣсколько слабѣе, нежели въ другихъ предметахъ; но въ сороковыхъ годахъ словесный факультетъ для пылкаго семнадцатилѣтняго юноши, который безъ сомнѣнія не менѣе другихъ былъ увлеченъ общимъ настроеніемъ, охватывавшимъ лучшихъ людей той эпохи, долженъ былъ представлять много заманчиваго и интереснаго. Его курсы, отличавшіеся болѣе широкимъ содержаніемъ, нежели курсы другихъ факультетовъ, и нерѣдко отнимавшіе слушателей у этихъ послѣднихъ,—его профессора, если и не всегда болѣе другихъ университетскихъ преподавателей знающіе (уровень профессорскихъ знаній въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, былъ вообще не высокъ), все же болѣе другихъ причастные литературы и искусству (одни изъ нихъ пописывали стихи и повѣсти, другіе занимались эстетическою критикою),—все это для студентовъ имѣло притягательную силу. Впрочемъ, что касается харьковскаго университета, то его словесное отдѣленіе представляло за немногими исключеніями довольно удачный подборъ преподавателей. Между ними были лица, безспорно обладавшія солидною ученостію и большими дарованіями,—лица, которыя и въ наши дни сдѣлали бы честь любому университету. Таковы были напр. Лунинъ, Валицкій, Рославскій—Петровскій, Зернинъ и въ ту пору только что начавшій свое ученое поприще Срезневскій.

М. Н. Петрову не привелось слушать Лунина: тотъ находился въ отпуску, за границу, и въ октябрѣ 1844 г., возвращаясь въ Харьковъ, гдѣ уже былъ объявленъ его курсъ, скончался въ Кіевѣ, отъ рака въ желудкѣ. Но его громкая слава на долго пережила его. Отголоски ея слышатся въ Харьковѣ и понынѣ. Повидимому это былъ человѣкъ, въ которомъ съ необыкновенною эрудицію и чисто нѣмецкимъ трудолюбіемъ и усидчивостію (онъ воспитывался въ Дерптѣ) соединялись и высокія нравственныя качества, и рѣдкій даръ преподаванія. Лунинъ читалъ всеобщую исторію и на слушателей своихъ производилъ съ перваго же слова неиз-

гладимое впечатлѣніе. Случалось перѣдко, что молодые люди, при поступленіи въ университетъ и не помышлявшіе о филологіи и уже намѣтившіе себѣ совершенно иной родъ занятій, побывавъ на лекціи у Лунина, вдругъ покидали свои первоначальные планы и переходили въ словесное отдѣленіе. Къ нему, какъ немного позже въ Москвѣ къ Грановскому, ходили цѣлыя толпы,—и не одни студенты, но также масса постороннихъ лицъ, между которыми, если вѣрить харьковскимъ старожиламъ, зачастую бывали и дамы. Для этихъ послѣднихъ по распоряженію начальства передъ студенческими скамьями ставились ряды кресель, и университетскій курсъ получалъ такимъ образомъ публичный характеръ. Все,—не говоря уже о внутреннемъ интересѣ чтеній этого популярнаго профессора, отличавшихся необыкновенною полнотою и обстоятельностью, не говоря о тщательной, всегда доведенной до тонкаго изящества ихъ внѣшней отдѣлкѣ,—даже голосъ его, слабый, но мелодическій, даже самая наружность, отъ которой вѣяло умомъ, благородствомъ, стойкостью и несокрушимою энергіею,—все невольно подкупало аудиторію въ его пользу. Лунина былъ изъ числа тѣхъ немногихъ преподавателей, которымъ какъ-то сразу, безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны, удастся стать въ самыя близкія, теплыя, дружескія отношенія къ учащимся, овладѣть ихъ довѣріемъ и любовью, подчинить своему нравственному вліянію ихъ мысль и волю. Каждый студентъ охотно и свободно обращался къ нему за совѣтомъ и всегда находилъ въ немъ готовность помочь и словомъ, и дѣломъ. Его порицанія и укоры, подчасъ довольно рѣзкіе и строгіе, никого не оскорбляли, ибо всѣ были непоколебимо убѣждены въ полномъ его безпристрастіи; съ другой стороны одобреніе этого божка харьковской молодежи въ глазахъ многочисленныхъ его почитателей казалось такою высокою наградой, изъ за которой стоило поработать. И студенты работали у него наперерывъ одинъ передъ другимъ ¹⁾.

Повторяю, Петровъ уже не засталъ Лунина, но, поступивши въ университетъ, гдѣ всѣ находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой замѣчательной личности, не могъ не испытать на себѣ, хотя бы и косвеннымъ образомъ, его вліянія. У студентовъ

¹⁾ О Луинѣ подробнѣе см. у М. Де-Пуле: „Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій“ (Вѣстн. Евр. 1874, янв., стр. 89 сл.).

по рукамъ ходили объемистыя тетради лекцій покойнаго профессора, за которыми единодушная молва признавала огромное значеніе ¹⁾. Эти лекціи вмѣстѣ съ немногими печатными произведеніями, изданными Лунинымъ въ девятилѣтній срокъ его преподавательской дѣятельности ²⁾, продолжали и по смерти автора служить для его поклонниковъ предметомъ самого ревностнаго изученія, и Петровъ конечно долженъ былъ съ ними хорошо ознакомиться. Это тѣмъ болѣе естественно, что преемникомъ Лунина по кафедрѣ былъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ учениковъ его А. П. Рославскій-Петровскій, одно время собиравшійся даже заняться изданіемъ лунинскихъ записокъ и по своимъ научнымъ взглядамъ всецѣло примкнувшій къ школѣ своего учителя.

Въ 1844 г. Рославскій-Петровскій читалъ для студентовъ перваго курса теорію статистики, сравнительную статистику Европы и „статистическія монографіи главнѣйшихъ европейскихъ государствъ“, слѣдуя въ изложеніи первыхъ двухъ отдѣловъ собственному „Руководству къ статистикѣ“, выдержавшему три изданія, а въ остальномъ—придерживаясь Шуберта. Излагать свой предметъ по печатнымъ учебникамъ, русскимъ и иностраннымъ, въ то время въ нашихъ университетахъ было прочно установившимся обычаемъ, и этимъ обычаемъ зачастую не стѣснялись пользоваться даже весьма даровитые и знающіе профессора. Многіе такъ и не шли дальше учебниковъ, педантически требуя на экзаменахъ отъ слушателей буквально точнаго знанія даннаго текста. Такъ напр. въ Харьковѣ профессоръ философіи и деканъ словеснаго факультета М. Н. Протопоповъ изъ года въ годъ неизмѣнно прочитывалъ студентамъ логику по Бахману, психологію—по Бенеке, исторію философіи—по Теннеману; В. А. Якимовъ, занимавшій кафедру рус-

¹⁾ Существовало убѣжденіе, что, будь огромный трудъ Лунина, изъ котораго онъ успѣлъ совершенно обработать лишь немногіе отдѣлы, доведенъ до конца, онъ смѣло могъ бы соперничать со „Всемирною исторіею“ Лоренца, начавшею выходить въ свѣтъ, какъ извѣстно, въ 1844 г.

²⁾ Вотъ эти произведенія: „Взглядъ на жизнь индостанскаго народа“; „Нѣсколько словъ о римской исторіи“; „Взглядъ на исторіографію Востока“; „О заслугахъ Вальтеръ-Скотта въ исторіи“; „Prolegomena ad res Achaeorum“; „Переходъ изъ средней исторіи въ новую и значеніе сей послѣдней“. Всѣ они теперь составляютъ библиографическую рѣдкость и отсутствуютъ даже въ библиотекѣ харьковскаго университета.

ской словесности и отъ времени до времени упражнявшійся въ переводахъ съ англійскаго и стихосложеніи, излагалъ курсъ эстетики по Фикеру, а исторію русской литературы по Гречу; его адъюнктъ А. Л. Метлинскій читалъ „теорію языка“ (sic) по Стедлеру и т. д. Самъ ректоръ, велерѣчивый П. П. Артемовскій-Гулакъ, съ апломбомъ заявлявшій въ началѣ каждого академическаго года о томъ, что онъ будетъ преподавать русскую исторію „по собственному конспекту“, на самомъ дѣлѣ довольствовался голымъ пересказомъ Карамзина либо Константинова ¹⁾.

Всеобщая исторія, чтеніе которой по смерти Лунина было поручено Рославскому-Петровскому, собственно не составляла его прямой спеціальности, но, что онъ и раньше не безъ успѣха занимался этимъ предметомъ, о томъ свидѣлствуетъ его магистерская диссертация, написанная имъ въ 1839 г. на тему: „О значеніи прагматической исторіи“. Впослѣдствіи онъ очень увлекся исторіею древняго востока, да и вообще древняго міра, и въ этой области пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія. Какъ лекторъ, онъ однако не могъ выдержать сравненія со своимъ предшественникомъ: Рославскій-Петровскій не обладалъ ни внятнымъ произношеніемъ, ни достаточно звучнымъ органомъ, ни краснорѣчіемъ, ни надлежащею самоувѣренностью. Ему приходилось вызубривать собственные записки слово въ слово, и, если обстоятельства вынуждали его дать студентамъ тутъ же, на мѣстѣ, въ аудиторіи, какія-нибудь объясненія, не вошедшія почему-либо въ заученный текстъ, то бѣдный профессоръ находился въ самомъ безпомощномъ положеніи: языкъ ему рѣшительно отказывался повиноваться, и мысль никакъ не хотѣла облечься въ мало-мальски вразумительную форму,—тѣмъ болѣе, что Рославскій-Петровскій всецѣло принадлежалъ къ поколѣнію профессоровъ-риторовъ и любилъ выражаться высокимъ стилемъ. Впрочемъ все это не мѣшало ему долгое время съ честью занимать кафедру и быть однимъ изъ полезнѣйшихъ представителей науки въ харьковскомъ университетѣ. Въ немъ было нѣчто, что, несмотря на всѣ недостатки чтенія,—недостатки болѣе виѣшняго характера,—влекло къ нему студен-

¹⁾ См. интересныя данныя объ Артемовскомъ-Гулакѣ въ статьѣ г. Н. „Харьковский Университетъ въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ“ („Южный Край“, 1883 г. № 711, 712, 718, 722, 730).

товъ и внушало имъ уваженіе. Это было его несомнѣнное благородство, его замѣчательное безкорыстіе и неподкупная честность, наконецъ его беззавѣтная любовь къ своему дѣлу. Разсѣянный, какъ и подобаетъ ученому, круглый невѣжда въ дѣлѣ практическаго разсчета, онъ сдѣлался героемъ многихъ забавныхъ анекдотовъ, въ которыхъ ясно обрисовывается его оригинальный, но симпатичный образъ ¹⁾.

Рославскаго-Петровскаго можно преимущественно передъ другими профессорами назвать учителемъ покойнаго Петрова. Будучи студентомъ, Мих. Наз. слушалъ его въ продолженіе всего курса по

¹⁾ Сюда относятся между прочимъ рассказы о томъ, какъ онъ въ порывѣ энтузіазма, съ какимъ всегда читалъ свои лекціи, не замѣчалъ зажженныхъ свѣчей, шутки ради поставленныхъ студентами на кафедру, тогда какъ чтеніе происходило при полномъ дневномъ свѣтѣ,—какъ, будучи ректоромъ и отправляясь куда-нибудь въ парадной формѣ, онъ въ попыткахъ надѣвалъ свой орденъ подъ мундиръ, потомъ, совершенно забывая объ этомъ, принимался искать его, конечно не находилъ и покушалъ себѣ въ магазинѣ новый, надѣваемый уже сверхъ-мундира, — какъ, идя по улицѣ, онъ по разсѣянности наткнулся на фонарные столбы, и т. п. Къ сожалѣнію не всѣ преданія о почтенномъ профессорѣ облечены такимъ невиннымъ характеромъ. Рославскій-Петровскій не избѣгнулъ клеветы, и еще при жизни его между студентами былъ пущенъ слухъ, будто бы онъ для своихъ лекцій пользовался записками Лунина, которыя взялся издать. Слухъ этотъ совершенно лишенъ основанія. Не говоря уже о томъ, что и по самымъ свойствамъ натуры своей Рославскій-Петровскій никогда не посмѣлъ бы присвоить себѣ чужой трудъ, что недостойно истиннаго ученаго, какимъ онъ всегда былъ,—но ему въ томъ даже не было и надобности: что онъ читалъ, то по большей части и печаталъ, а печаталъ онъ очень много. Вотъ списокъ тѣхъ его трудовъ, которые мнѣ извѣстны: 1) „Очеркъ быта и правленія древней Спарты“ (1838); 2) „О значеніи прагматической исторіи“ (1839); 3) „Лекціи статистики“ (1841), выпущенныя вслѣдъ затѣмъ въ 1844 г. вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Руководство къ статистикѣ“; 4) „Опытъ сравненія народонаселенія въ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ Европейскихъ государствахъ“ (1845); 5) „Обозрѣніе исторіи древняго міра“,—выпускъ I (1851) и II (1852); 6) „Краткое историко-статистическое обозрѣніе Императорскаго Харьковскаго Университета“ (1851); 7) „Нѣсколько критич. замѣчаній по поводу новѣйшихъ изслѣдованій о населенности Европейской Россіи“ (1852); 8) „Мысли объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Харькова къ Черному морю“ (1852); 9) „Исторія Греціи“, конспектъ (1852); 10) „Некрологъ П. П. Артемовскаго-Гулака“; 11) „Введеніе въ курсъ исторіи цивилизацій“ (1865); 12) „Руководство къ исторіи главныхъ народовъ древняго Востока и ихъ цивилизацій“,—вып. I, Египетъ (1865),—вып. II, Халдея (1868); 13) „Очерки древней Индіи“ (1871).

4—9 часовъ въ недѣлю ¹⁾ и впослѣдствіи ему же подаль свою кандидатскую диссертацию. На магистерскомъ испытаніи Рославскій являлся главнымъ его экзаменаторомъ, такъ что и приготовленіе къ этому испытанію, безъ сомнѣнія, должно было происходить не иначе, какъ подъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководствомъ этого профессора. Все слѣдовательно способствовало установленію тѣсныхъ отношеній между ученикомъ и учителемъ, и не удивительно, если позднѣе въ самыхъ приемахъ университетскаго преподавателя Петровъ замѣтнымъ образомъ слѣдовалъ примѣру своего наставника и подобно ему увлекался исторіею древняго востока, которая особенно въ послѣдніе годы жизни составляла главный предметъ его занятій.

Не менѣе важный моментъ для біографа Михаила Назаровича представляетъ и знакомство его съ А. О. Валицкимъ. Это былъ профессоръ греческаго языка и литературы, полякъ по происхожденію, прекрасный ораторъ и основательный знатокъ предмета, послѣ Лунина чуть ли не самая крупная величина въ харьковскомъ университетѣ того времени. Кромѣ общихъ курсовъ по исторіи греческой литературы, по греческимъ древностямъ и интерпретаціи авторовъ,—курсовъ, читавшихся для всѣхъ студентовъ—словесниковъ, Валицкій преподавалъ казеннокоштнымъ воспитанникамъ института отдѣльно педагогику, энциклопедію филологіи и латинскій языкъ, и, быть можетъ, эти *privatissima* и послужили тою почвою, на которой развилось сближеніе между нимъ и его молодымъ слушателемъ. Подобно Валицкому, М. Н. Петровъ былъ уроженцемъ Западнаго края, по матери—полякъ и въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, по польски говорилъ лучше, нежели по-русски. Онъ скоро попалъ въ кружокъ хорошихъ знакомыхъ этого профессора, сталъ часто бывать у него, близко и дружески сошелся съ его сыновьями. У Валицкаго вообще бывало много молодежи, которой правилось его открытое, привѣтливое обращеніе, его любезность, его живое остроуміе, его непринужденная, нечуждая пафоса и нѣкоторой аффектаціи, лившаяся широкимъ неудержимымъ потокомъ рѣчь. Въ университетѣ его очень любили. Пред-

¹⁾ Въ промежутокъ времени отъ 1844 г. по 1848 г. Рославскій-Петровскій читалъ въ университетѣ кромѣ статистики общіе курсы исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ и специальный курсъ исторіи Рима.

меты, составлявшіе спеціальность Валицкаго,—тѣ предметы, которыми теперь серьезно интересуется лишь до смѣшна малое меньшинство студентовъ,—тогда привлекали на его лекціи массу слушателей. Молодые люди, не умѣвшіе по гречески ни склонять, ни спрягать, зачастую даже не знавшіе греческой азбуки (въ то время греческій языкъ не былъ обязателенъ и преподавался лишь въ немногихъ гимназіяхъ), тѣснились въ аудиторіи Валицкаго и, затаивъ дыханіе, слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ за профессоромъ, объяснявшимъ съ обычнымъ мастерствомъ ксенофоновъ „Анабазисъ“, платонову „Апологію“ или демосѣеновы рѣчи. Множество посѣтителей бывало даже на лекціяхъ исторіи греческой литературы, несмотря на то, что онѣ читались по латыни и притомъ главнымъ образомъ по руководству Гроддека ¹⁾, чего впрочемъ увлеченная аудиторія не знала и не замѣчала. Латинскимъ языкомъ Валицкій владѣлъ прекрасно, даже лучше, нежели русскимъ, да и вообще онъ много работалъ и много зналъ, хоть и мало печаталъ ²⁾. Это былъ человѣкъ, богато одаренный отъ природы, поэтъ (онъ писалъ польскіе стихи), энтузіастъ, а кто же могъ въ сороковыхъ годахъ сильнѣе вліять на тогдашнюю молодежь, столь воспримчивую къ эстетическимъ впечатлѣніямъ, какъ не поэты и энтузіасты?.....

Нѣсколько иного пошиба были два другіе преподавателя, изъ которыхъ одинъ въ послѣдствіи стяжалъ громкую и вполне заслуженную извѣстность и которыхъ также пришлось слушать Петрову. Я говорю о Срезневскомъ и Зернинѣ. Не принадлежа къ реторической школѣ, не гоняясь за фразою, за виѣшними эффектами, оба они буквально подавляли своихъ слушателей массою научнаго матеріала, сообщаемого ими на лекціяхъ. Какъ извѣстно, въ 1835 г. въ русскихъ университетахъ была учреждена кафедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, и Срезневскій былъ первымъ ея блестящимъ представителемъ. Петровъ засталъ его въ ту пору,

¹⁾ Groddeck, *Historiae graecorum litterariae elementa*. Vilnae. 1811.

²⁾ Изъ ученыхъ сочиненій Валицкаго я знаю только одно,—„*De cyclo epico*“, вышедшее въ 1839 г. Говорятъ, онъ издалъ нѣсколько переводовъ Шекспира на польскій языкъ, но мнѣ они неизвѣстны. Съ 1837 года Валицкій управлялъ въ харьков. унив. его мюнцъ-кабинетомъ и составилъ дополненія къ каталогу проф. Даниловича (1826),—трудъ весьма почтенный, которымъ въ послѣдствіи пользовался Зернинъ, принявшій мюнцъ-кабинетъ въ свое вѣдѣніе съ 1849 г.

когда онъ только что возвратился изъ продолжительнаго путешествія по славянскимъ землямъ и читаль харьковскимъ студентамъ „энциклопедическое введеніе въ изученіе Славянства“, въ которомъ „обращалъ преимущественное вниманіе на славянскія древности и на главныя черты разнообразія славянскихъ нарѣчій“ ¹⁾. Со студентами старшихъ курсовъ онъ въ то время разбиралъ старославянскіе, сербскіе и хорутанскіе памятники, посвящая на это одинъ часъ въ недѣлю, и занимался исторіей западныхъ славянъ южной отрасли. Успѣхъ его былъ весьма большой. Онъ первый сталъ указывать своимъ слушателямъ на важность сравнительнаго метода въ языковѣдѣніи ²⁾ и знакомить ихъ съ бытомъ, вѣрованіями, литературой многочисленныхъ славянскихъ племенъ, представлявшихъ въ ту пору для большинства русской образованной публики *lettres closes*. Читая науку новую, только что народившуюся на свѣтъ и не успѣвшую еще попасть въ учебники, онъ, естественно, былъ совершенно оригиналенъ, и въ то время какъ у большинства другихъ профессоровъ студенты слышали на лекціяхъ только то, что и сами могли вычитать изъ любого руководства, Срезневскій сообщалъ имъ результаты собственныхъ изслѣдованій, дѣлалъ выводы, имъ самимъ добытые, наконецъ побуждалъ ихъ къ самодѣтельности, показывалъ, какъ слѣдуетъ примѣнять къ дѣлу теоретическія знанія, вводилъ ихъ, такъ сказать, въ лабораторію науки. Вотъ почему ни у кого такъ охотно не занимались, какъ у него, и для харьковского университета былъ великимъ лишеніемъ переводъ Срезневскаго въ Петербургъ, состоявшійся по желанію самого профессора въ январѣ 1847 года.

Что же касается Зернина, то онъ былъ менѣе популяренъ. Скажу болѣе, его понимали и цѣнили лишь весьма немногіе, большинство же студентовъ относилось къ нему холодно. Это объясняется довольно небрежною внѣшностью его лекцій, о литератур-

¹⁾ Такъ значится въ официальномъ „обозрѣніи предметовъ преподаванія въ Имп. Харьк. Унив.“ за 1844 г.

²⁾ Съ легкой руки Срезневскаго приложеніе сравнительнаго метода къ языковеденію начинается въ харьковскомъ университетѣ находить все болѣе и болѣе поборниковъ, и уже въ 1844 г. въ пользу этого метода пропагандируетъ проф. Лукьяновичъ въ своей рѣчи: „Comparandarum linguarum studii propulsio“.

ной отдѣлкѣ которыхъ онъ нисколько не заботился. Зернинъ, какъ и его старшій товарищъ по кафедрѣ Рославскій-Петровскій, былъ некрашенорѣчивъ, но не смущался этимъ недостаткомъ и при изложеніи предмета больше смотрѣлъ на содержаніе своей рѣчи, нежели на ея форму. Поэтому его лекціи, записанныя буквально, никуда не годились, но, стоило студенту надъ ними немного поработать, и у него получался очень дѣльный, очень серьезный и обстоятельный курсъ,—притомъ курсъ, въ большинствѣ случаевъ составленный на основаніи непосредственного знакомства явтора съ источниками. Зернинъ, хоть и значился магистромъ русской исторіи, обладалъ большими познаніями и въ области всеобщей, въ особенности же византійской ¹⁾, и говорятъ, посѣтителі нерѣдко заставляли его за чтеніемъ византійскихъ лѣтописей, которыя онъ изучалъ со свойственною ему основательностью. Въ харьковскомъ университетѣ онъ сталъ читать въ качествѣ адъюнкта только съ 1847 г., такъ что Петровъ слушалъ его втеченіи двухъ семестровъ, но впослѣдствіи, готовясь къ магистерскому экзамену, занимался подъ его же руководствомъ и по выходѣ изъ университета.

Итакъ—Валицкій, Рославскій-Петровскій, Срезневскій и Зернинъ — вотъ наиболѣе выдающіеся представители науки, подъ руководствомъ которыхъ шли студенческія занятія покойнаго Мих. Наз. Говорить о другихъ профессорахъ, имъ слышанныхъ, излишне, такъ какъ изъ нихъ ни одинъ не возвышался надъ уровнемъ посредственности, а многіе были и ниже этого уровня и ужъ конечно не могли стать на равнѣ съ названными. Такіе люди, какъ Протопоповъ, Гулакъ-Артемевскій, Якимовъ, доживали свой вѣкъ и относились спустя рукава и къ своимъ лекціямъ, и къ занятіямъ, своихъ слушателей: другіе, какъ Метлинскій, были, пожалуй, поэтами, литераторами, но не учеными въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и если вліяли на учащуюся молодежь, то, какъ выражается г. Де-Пуле, вліяли только эстетически. Отъ нихъ нечѣмъ было позаимствоваться Петрову, а

¹⁾ Зернину принадлежит изслѣдованіе: „Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянороднаго“ (1858). Кромѣ того онъ писалъ о патріархѣ Фотіѣ, объ отношеніяхъ константинопольскаго патріарха въ русской іерархіи и проч.

потому я, оставляя ихъ въ сторонѣ, скажу теперь нѣсколько словъ о его товарищахъ, чтобы дорисовать картину той среды, въ которой прошли студенческіе его годы.

Сверстники Михаила Назаровича во многихъ отношеніяхъ отличались отъ позднѣйшихъ студенческихъ поколѣній. Съ одной стороны между студентами сороковыхъ годовъ живы были еще романтическія вѣянія пушкинской эпохи. Мечтательно-идеалистическое направленіе ихъ ближайшихъ предшественниковъ сообщилося и имъ и наложило на нихъ какой-то особенный своеобразный отпечатокъ. Съ другой стороны—это были люди, вышедшіе по большей части изъ помѣщичьей среды, взросліе въ условіяхъ быта, основаннаго на крѣпостничествѣ, и это не могло не отражаться въ ихъ нравахъ. Въ воспоминаніяхъ харьковскихъ старожиловъ время, о которомъ мы говоримъ, рисуется въ видѣ какой-то Sturm—und Drangperiode. Разгульные кутежи въ холостой компаніи, танцы на балахъ и вечеринкахъ мѣстнаго beau monde, отъ времени до времени какая-нибудь рѣзкая выходка противъ того или другого непопулярнаго представителя университетской администраціи и въ результатѣ ея — карцеръ, все это перемѣшивалось съ зубреніемъ профессорскихъ тетрадокъ, съ чтеніемъ и заучиваніемъ наизусть стиховъ Пушкина и Бенедиктова, Беранже и Коллара, съ шумными восторгами по поводу какой-нибудь удачной лекціи или литературной новинки, съ музыкальными и вокальными упражненіями. Харьковское общество видѣло въ студентахъ цвѣтъ мѣстной молодежи, и ни одинъ вечеръ съ танцами не обходился безъ ихъ участія. Ихъ наперерывъ приглашали и въ частные дома, и въ общественныя собранія въ клубахъ. Само собою, что это никогда не дѣлалось безъ особо для того испрашиваемаго разрѣшенія инспекціи, но такое разрѣшеніе всегда охотно и безъ затрудненія выдавалось,—и даже больше: въ тѣ памятные годы, когда обязанности попечителя харьковскаго учебнаго округа лежали на генераль-губернаторѣ Кокошкинѣ, инспекціи было даже вмѣнено въ непремѣнный долгъ заботиться о томъ, чтобы ни на одномъ мало-мальски людномъ и значительномъ балѣ не оказывалось недостатка въ студенческихъ мундирахъ. Для губернаторскаго же салона вербовались изъ университетской среды молодые люди, отличавшіеся помимо ловкости въ танцахъ еще и болѣе

или менѣе счастливою виѣшностью и изяществомъ манеръ ¹⁾. Къ числу такихъ избранниковъ принадлежалъ и М. Н. Петровъ, обладавшій въ молодости замѣчательною красотою и скоро сдѣлавшійся желаннымъ гостемъ во всѣхъ Харьковскихъ гостинныхъ.

По общимъ отзывамъ его товарищей и лицъ, хорошо знававшихъ его въ молодые годы, Мих. Наз. и во время пребыванія въ университетѣ, и по окончаніи курса, на первыхъ шагахъ своей профессорской дѣятельности, не чуждался удовольствій свѣта и вель жизнь довольно разсѣянную. При свойственной ему подвижности и живости характера онъ отнюдь не былъ способенъ совершенно замкнуться въ стѣнахъ ученаго кабинета, цѣликомъ отдать свое вниманіе однѣмъ книгамъ, сдѣлаться аскетомъ науки. Онъ не отличался усидчивостью въ занятіяхъ и, благодаря рѣдкимъ дарованіямъ, легко и быстро усваивалъ то, что другимъ давалось лишь съ трудомъ и не вдругъ. Такимъ образомъ общество и развлеченія не помѣшали ему окончить въ маѣ 1848 года университетъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, а его кандидатская диссертация, представленная въ факультетъ въ октябрѣ того же года, и по объему, и по содержанію отличалась такою солидностью и основательностью, что обратила на ея автора особенное вниманіе профессоровъ и ректора.

Тема для этой диссертации была избрана самимъ Петровымъ съ разрѣшенія Рославскаго-Петровскаго и формулировалась такъ: „Цивилизація Галло-Франковъ во времена Меровинговъ“. Сочиненіе, занимавшее въ рукописи листовъ около сорока, конечно не было оригинальнымъ и покоилось главнымъ образомъ на классическихъ трудахъ Гизо и Тьерри, но во всякомъ случаѣ представляло очень умно и толково составленную компиляцію, написанную притомъ живо и увлекательно, языкомъ изысканнымъ и чистымъ, лишь кое-гдѣ пестрѣвшимъ полонизмами. Кромѣ Гизо и Тьерри авторъ

¹⁾ Кокошкинъ былъ четвертымъ генераль-губернаторомъ по присоединеніи харьковской губерніи къ малороссійскому генераль-губернаторству и оставался въ званіи попечителя учебнаго округа съ 1847 по 1855 годъ, когда произошло окончательное раздѣленіе обѣихъ должностей. Любопытныя свѣдѣнія о немъ можно найти въ „Воспоминаніяхъ Ефима Ивановича Топчіева“, помѣщенныхъ въ газетѣ „Южный Край“ за 1883 г. (№№ 874, 879, 882, 886, 889, 893, 900, 903, 906, 909, 915, 922, 923) и отчасти у Де-Пуле въ цит. статьѣ.

пользовался Ру-Ферраномъ (*Histoire des progrès de la civilisation en Europe*), Арбанеромъ (*Etudes sur l'histoire universelle*), Нибу-ромъ, Канту, Лоренцомъ и друг. и вообще проявилъ не совѣсьмъ обыкновенную въ студентѣ начитанность. Почему-то однако вопросъ объ оставленіи Петрова при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію долго не подымался, и завелась уже переписка о назначеніи его на мѣсто старшаго учителя русскаго языка въ курскую гимназію, какъ вдругъ онъ самъ въ февралѣ 1849 года обратился къ тогдашнему помощнику попечителя князю Цертелеву съ прошеніемъ, въ которомъ выражалъ желаніе „приготовить себя къ званію магистра“ и ходатайствовалъ о предоставленіи ему годоваго содержанія изъ суммъ, собираемыхъ за слушаніе лекцій. Въ то время въ Харьковѣ было двѣ вакантныя каѳедры (по предметамъ политической экономіи и славянскихъ нарѣчій), да кромѣ того имѣлась въ виду еще и третья,—каѳедра русской исторіи, такъ какъ Гулакъ-Артемовскій, ее занимавшій, намѣревался выйти въ отставку. Поэтому желаніе Петрова, естественно, не встрѣтило никакихъ препятствій: его оставили при университетѣ на одинъ годъ съ выдачею ему втеченіе этого времени „на содержаніе и учебныя пособія“ двухсотъ рублей.

Дѣло свое Мих. Наз. повелъ съ изумительною быстротою и уже въ декабрѣ того же 1849 года приступилъ къ экзамену на степень магистра всеобщей исторіи. Экзаменаторами его были Рославскій-Петровскій (по всеобщей исторіи, географіи, статистикѣ и политической экономіи), Зернинъ (по русской исторіи) и Каченовскій (по международному праву),—самъ только что вступившій на каѳедру, по лѣтамъ ровесникъ Петрова (обоимъ было 22 года), по университету его товарищъ. 30-го января 1850 г. экзамень завершился засѣданіемъ факультета, въ которомъ Петровъ написалъ отвѣты на вопросы: „о происхожденіи, развитіи и упадкѣ въ Западной Европѣ феодальной системы“ и „о географическихъ открытіяхъ Норманновъ“ и тогда же представилъ на разсмотрѣніе членовъ факультета избранную имъ для будущей магистерской диссертациі тему,—конечно заслужившую полное ихъ одобреніе.

Тема эта—„о характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI“—видимо очень занимала нашего историка и была имъ обработана дважды,—въ 1850 г. въ видѣ „разсужденія написан-

наго для полученія степени магистра всеобщей исторіи“ и въ 1868 г. въ одномъ изъ тѣхъ общенсторическихъ очерковъ, которые доставили М. Н. Петрову его литературную извѣстность. Кромѣ общей идеи между этими обработками такъ много разницы, что каждую изъ нихъ можно разсматривать какъ вполне самостоятельный трудъ. Главнымъ источникомъ автора были мемуары Филиппа де Коммина, извѣстнаго любимца короля Людовика, сохранившаго въ своихъ запискахъ множество свидѣтельствъ, важныхъ не только для пониманія личности его высокаго покровителя, но и для характеристики возрѣній и нравовъ современнаго ему общества. Опираясь на этотъ памятникъ, Петровъ сдѣлалъ попытку не то, чтобы написать апологію Людовика, но скорѣе представить наиболѣе непристрастную историческую оцѣнку его дѣятельности, доказать, что въ этой дѣятельности не было ничего загадочнаго, что въ каждой чертѣ характера Людовика, въ самыхъ его странностяхъ, отражался духъ его времени, — „этого глубоко безнравственнаго XV вѣка“, — что, „далеко превосходя своихъ современниковъ силою политическаго генія“, король „не слишкомъ ниже ихъ стоялъ даже и въ моральномъ отношеніи“, что „образъ его, какъ человѣка, является какимъ то мрачнымъ и дикимъ исключеніемъ только тогда, если оторвать его отъ современной его обстановки“. Вопреки мнѣнію Сисмонди, что Людовикъ XI былъ человекомъ другаго вѣка, чуждымъ добродѣтелей и пороковъ, страстей и слабостей своихъ ближайшихъ родственниковъ, Петровъ старался показать, что напротивъ онъ былъ наилучшимъ выразителемъ тенденцій и идеаловъ своего вѣка, что въ немъ совершеннѣйшимъ образомъ отразился этотъ вѣкъ „со всѣми его высокими политическими стремленіями, со всею порчею его моральной жизни“.

Разбирать здѣсь болѣе или менѣе обстоятельно названное сочиненіе не входитъ въ мой планъ, да было бы, пожалуй, и не кстати въ короткой біографической замѣткѣ, но на одну особенность его необходимо указать, такъ какъ она довольно характерна. Въ трактатѣ о Людовикѣ XI Петровъ не излагаетъ исторіи его царствованія, — онъ только судитъ о ней. Онъ предполагаетъ факты этой исторіи извѣстными читателю и потому не вдается въ подробности. Вся его задача сводится къ тому, чтобы освѣтить эти факты съ принятой имъ точки зрѣнія, указать на внут-

ренній ихъ смыслъ, сгруппировать ихъ такъ, чтобы являлась возможность сдѣлать какой-нибудь общій выводъ. Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ на ученомъ поприщѣ онъ заявляетъ себя не столько историкомъ въ прямомъ значеніи этого слова, сколько философомъ исторіи, и этому направленію онъ оставался вѣренъ до конца.

Въ апрѣлѣ 1850 года въ рукописи диссертация была уже готова и представлена въ факультетъ для предварительнаго разсмотрѣнія, а къ ноябрю вышла и изъ типографіи, такъ что на третье число этого мѣсяца могъ быть назначенъ диспутъ. Онъ состоялся при обычной въ то время торжественной обстановкѣ, въ одной изъ самыхъ помѣстительныхъ аудиторій университета, въ присутствіи не только профессоровъ-филологовъ, но и депутатовъ отъ другихъ факультетовъ, а равно „постороннихъ любителей просвѣщенія“, приглашенныхъ особыми билетами, и толпы студентовъ въ полной мундирной формѣ. Официальными оппонентами М. Н. Петрова были назначены его экзаменаторы, проф. Рославскій-Петровский и адъюнктъ Зернинъ, признавшіе трудъ молодаго ученаго достойнымъ искомой степени и защиту его удовлетворительно. Вслѣдъ затѣмъ факультетомъ было тотчасъ же возбуждено ходатайство объ опредѣленіи Петрова адъюнктомъ въ помощь профессору всеобщей исторіи, и онъ уже былъ избранъ въ совѣтъ университета большинствомъ 19 голосовъ противъ 7, какъ вдругъ дѣло это встрѣтило неожиданное препятствіе. Оказалось, что документы Петрова при передачѣ дѣла изъ бѣлорусскаго учебнаго округа, подвергнувшагося преобразованію, въ канцелярію округа с.-петербургскаго были неправильно приобщены къ дѣламъ, къ коимъ не имѣли никакого отношенія, и потому, не смотря на неоднократные запросы и требованія Кокоскина и кн. Цертелева, долгое время не высылались въ Харьковъ. А между тѣмъ, пока тянулась канцелярская переписка, пока управленія попечителей виленскаго и харьковскаго обмѣнивались разнаго рода „отношеніями“, Петровъ терпѣлъ крайнюю нужду: уже съ іюли 1850 г. выдача годоваго содержанія отъ казны ему была прекращена, и онъ принужденъ былъ войти въ долги. Бывали дни, когда у него буквально не было копѣйки въ карманѣ, когда онъ сидѣлъ по вечерамъ безъ свѣчки, потому что не на что было ее купить,

когда даже и къ частнымъ займамъ прибѣгать становилось уже неудобно. Въ одну изъ такихъ критическихъ минутъ онъ рѣшился обратиться въ университетъ съ просьбою о назначеніи ему пособія изъ экономическихъ суммъ или же по крайней мѣрѣ о заимообразной выдачѣ семидесяти пяти рублей въ счетъ будущаго жалованія. Просьба эта была удовлетворена, но желаннаго улучшенія въ матеріальномъ положеніи покойному Мих. Наз. все таки пришлось ждать еще довольно долго, такъ какъ утвержденіе его въ должности адъюнкта состоялось не раньше сентября 1851 года.

Каковы были первыя лекціи Петрова, судить о томъ мудрено. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, тѣ лица, которымъ приходилось слушать его въ началѣ его ученой карьеры, отзываются о курсахъ, имъ въ то время читанныхъ, самымъ различнымъ образомъ. Однихъ молодой лекторъ увлекалъ прекраснымъ, живымъ изложеніемъ, мѣткими характеристиками, умѣньемъ вѣрно и ярко очерчивать лица и эпохи, другіе наоборотъ находили эти чтенія чересчуръ фразистыми, видѣли въ нихъ бѣдность фактической основы. Самъ покойный профессоръ въ позднѣйшее время былъ склоненъ также относиться, быть можетъ, слишкомъ строго къ первымъ своимъ опытамъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія, находя, что въ ту пору онъ все еще не былъ достаточно подготовленъ къ профессорской дѣятельности. Это впрочемъ и понятно: живя и занимаясь въ Харьковѣ, университетская библіотека котораго и теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, далеко не можетъ похвалиться обиліемъ и полнотою, онъ зачастую принужденъ былъ откладывать въ болѣе или менѣе отдаленное будущее знакомство даже съ корифеями исторической науки, не говоря уже о сочиненіяхъ второстепенныхъ, и напр. Вайтца, Гизебрехта и друг. сталъ серьезно штудировать только за границею, куда былъ отправленъ въ 1858 г. Вообще, какъ вслѣдствіе мѣстныхъ условій, такъ и потому что нѣмецкимъ языкомъ онъ началъ заниматься только въ университетѣ и до поѣздки въ Германію зналъ его слабо (напр. Беккера и Лоренца онъ читалъ въ русскомъ, Нибура—во французскомъ переводѣ), Петровъ ознакомился съ нѣмецкою исторіографіею гораздо менѣе основательно, нежели съ французскою, и лишь впоследствии пополнилъ этотъ пробѣлъ. Наоборотъ, произведеніями Гизо, братьевъ Тверри, Сис-

монди, Тьера, Баранта, Токвиля и друг. онъ зачитывался еще на университетской скамьѣ, и этимъ между прочимъ объясняется нѣкоторое преобладаніе реторики въ его первыхъ ученыхъ трудахъ и та склонность къ изысканнымъ оборотамъ рѣчи, которую онъ сохранилъ до конца дней. Воспитавшись на изученіи французскихъ историковъ, онъ всегда придавалъ большое значеніе красотѣ внѣшней формы, и писатели въ родѣ Мишле, умѣвшаго, по его словамъ, „соединить глубокомысліе философа и вдохновеніе поэта съ даромъ увлекательнаго разсказа и глубокою ученостію“ ¹⁾, постоянно составляли его идеаль.

Петровъ началъ свое чтеніе съ курса исторіи среднихъ вѣковъ и конечно не былъ оригиналенъ, но, какъ и большинство тогдашнихъ профессоровъ, придерживался какого-нибудь руководства, — чаще всего, кажется, слѣдовалъ Лоренцу. Тѣ образцовые по своей сжатости, послѣдовательности и систематичности общіе курсы, которые такъ хорошо знакомы позднѣйшимъ его слушателямъ и о которыхъ мы еще будемъ говорить впереди, возникли не скоро, только въ семидесятыхъ годахъ, и не имѣли ничего общаго съ курсами, читанными покойнымъ профессоромъ на первыхъ порахъ....

Прежде однако, чѣмъ онъ получилъ возможность продолжать свое научное образованіе при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, — прежде, чѣмъ обстоятельства позволили ему оставить провинціальную глушь и посѣтить главнѣйшіе европейскіе центры духовной дѣятельности, прошло не менѣе семи лѣтъ, безвыѣздно проведенныхъ Петровымъ въ Харьковѣ. Отношенія его къ семьѣ, повидимому, поддерживались довольно слабо: кромѣ одного изъ братьевъ, — упомянутаго уже мною прапорщика артиллеріи, имѣ, кажется, никто изъ близкихъ не интересовался. Такимъ образомъ, если бы не радушное семейство проф. Валицкаго, въ домѣ котораго онъ давно сталъ своимъ человѣкомъ и во всѣхъ невзгодахъ находилъ нравственную и матеріальную поддержку, историкъ нашъ безъ сомнѣнія, не смотря на большой кругъ знакомыхъ, все же долженъ былъ въ Харьковѣ чувствовать себя совершенно одинокимъ.

¹⁾ О характерѣ государств. дѣятельности Людовика XI. Харьков. 1854. стр. 10.

Въ іюнѣ 1858 года состоялась заграничная командировка Петрова въ Германію, Францію, Италію, Бельгію и Англію срокомъ на два года, и изъ отчета, представленнаго имъ по возвращеніи, мы видимъ, что это продолжительное время для него не пропало даромъ. Петровъ побывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Іенѣ, Боннѣ, Бреславлѣ, Гейдельбергѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ, Брюсселѣ, Гентѣ, Лондонѣ, Флоренціи, Венеціи, Римѣ, Неаполѣ и вездѣ сумѣлъ найти множество матеріала для самой разносторонней ученой дѣятельности. Ничто не ускользнуло отъ его вниманія: университетскіе курсы европейскихъ знаменитостей, ихъ педагогическіе приемы, музеи и бібліотеки, памятники мѣстной старины, археологическія коллекціи, исторія и внутреннія организаціи ученыхъ и образовательныхъ учреждений,—все было предметомъ его тщательнаго изученія, все возбуждало въ немъ живѣйшій интересъ. „Втеченіе моего двухлѣтняго пребыванія за границей“, пишетъ самъ онъ въ своемъ отчетѣ „я твердо имѣлъ въ виду прямую цѣль, для которой былъ посланъ, а именно—приготовить себя къ возможно-основательному выполненію обязанностей университетскаго преподаванія всеобщей исторіи. Добросовѣстное преслѣдованіе этой цѣли налагало на меня прежде всего долгъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ не какого-нибудь одного или нѣсколькихъ отдѣловъ науки, но полнаго круга историческихъ знаній, такъ какъ при нынѣшней организаціи нашихъ университетовъ преподаваніе въ нихъ всеобщей исторіи должно состоять преимущественно въ общихъ ея курсахъ, а не въ спеціальныхъ. Быть можетъ, занятія мои были бы еще успѣшнѣе, если бы я ограничился изученіемъ одной какой-нибудь части всеобщей исторіи; но, если я вѣрно понималъ мои обязанности, я не имѣлъ права сдѣлаться специалистомъ въ ущербъ общему и возможно-равномѣрному знакомству съ наукой“ ¹⁾.

Дольше всего Петровъ пробылъ въ нѣмецкихъ университетахъ, преимущественно въ Берлинѣ, гдѣ онъ провелъ почти весь зимній семестръ 1858—59 г. и непосредственно передъ возвращеніемъ въ Россію часть лѣтняго 1859—60 г. Ему пришлось здѣсь слу-

¹⁾ Отчетъ о занятіяхъ адъюнкта Имп. Хар. Унив. М. Н. Петрова въ Германіи, Франціи, Италиі, Бельгii и Англіи съ іюля 1858-го по іюль 1860 года. Харьковъ. 1861. Стр. 1—2.

шать Ранке, Дройзена, Кёппке, Гирша, К. Риттера и нѣкоторыхъ другихъ, но не въ ихъ аудиторіяхъ главнымъ образомъ сосредоточивались его занятія, а въ берлинской библіотекѣ, давшей наконецъ ему возможность познакомиться съ новѣйшею исторіографіей исторически и критически, составить себѣ „вполнѣ ясное и точное понятіе о характерѣ и значеніи различныхъ школъ, послѣдовательно господствовавшихъ въ исторической литературѣ“. Во все время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ онъ не упускалъ изъ-виду этой главной своей цѣли, прибѣгая, гдѣ было возможно, и къ личнымъ указаніямъ и совѣтамъ профессоровъ и усердно посѣщая ихъ „историческій семинарій“ (das historische Seminar),—эти школы, въ которыхъ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей начинающіе ученые приобрѣтали навыкъ въ самостоятельной критической разработкѣ источниковъ. Особенно посчастливилось Петрову на личные знакомства въ Боннѣ, гдѣ проф. Лоренцъ „съ предупредительностью, какую онъ оказывалъ всѣмъ русскимъ“ представилъ его Лёбелю и Дальману (издателю Дитмарсенской хроники и Саксона грамматика). Не безплодно также было для него пребываніе и въ Мюнхенѣ, гдѣ извѣстный знатокъ исторической литературы и издатель журнала „Historische Zeitschrift“, у насъ въ Россіи пользующійся нѣкоторою популярностью, благодаря своей „Geschichte der Revolutionszeit“, Зибель читалъ въ то время курсъ средневѣковой исторіи западной Европы, а Риль излагалъ исторію гуманизма и реформаціи, разсматривая явленія этой эпохи преимущественно съ ихъ внутренней стороны,—точка зрѣнія, которой покойный Мих. Наз. всегда особенно сочувствовалъ.

Во Франціи Петровъ былъ недолго, — всего пять мѣсяцевъ, — и еще меньше времени провелъ онъ въ Бельгіи, Англіи и Италіи. Потому вездѣ въ этихъ странахъ онъ больше знакомился съ новою для него организаціею высшихъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ отношеніе къ предмету его занятій, съ библіотеками и архивами, нежели слушалъ курсы, и только въ Парижѣ посѣщалъ лекціи Росссе-Сентъ-Илера, Валлона и Сессе (въ Сорбоннѣ), Гиньо, Лабулэ и Пари (въ Collège de France). При этомъ „Высшее Нормальное Училище“, какъ интернатъ, естественно осталось для него закрытымъ, равно какъ не получилъ онъ доступа и на тѣ

практическія занятія, conférences, которыя велись въ старшемъ классѣ этого училища и съ характеромъ которыхъ онъ познакомился только со словъ преподававшихъ тамъ исторію профессоровъ.

Въ ноябрѣ 1860 года Мих. Наз. возвратился изъ своего путешествія въ Харьковъ, а въ слѣдующемъ 1861 г. уже издалъ привезенный имъ оттуда съ собою ученый трудъ, послужившій впоследствии его докторскою диссертациею, — „Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи“. Трудъ этотъ, бывшій первымъ и вплоть до послѣдняго времени, — до времени появленія исторіографическихъ обзоровъ гг. Бузескула и Виноградова, — остававшійся единственнымъ въ нашей ученой литературѣ, имѣлъ своею цѣлью „облегчить публикѣ и особенно юношеству знакомство съ иностранною историческою литературою и дать имъ какую-нибудь точку опоры при ея изученіи“. Въ основаніе его авторъ положилъ отчасти результаты собственныхъ занятій, отчасти тѣ данныя, которыя онъ нашелъ въ сочиненіяхъ Роб. Моля и въ особенности Юліана Шмидта. При этомъ, отводя почти цѣлую половину своей книги универсальнѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ литературъ — нѣмецкой, онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на дѣятельности такъ называемой „Исторической“ школы, — той школы, основателями которой были Савиньи, Эйхгорнъ, Нибуръ, Я. Гриммъ, К. О. Миллеръ и др., — и лишь слегка очертилъ предшествовавшія фазы развитія науки, „какъ ступени, по которымъ она достигала своего нынѣшняго состоянія“. Какъ и все, что когда-либо было имъ написано, сочиненіе это получило образцовую литературную отдѣлку и до сихъ поръ, даже и послѣ появленія труда Береле (*Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus*) не потеряло своей цѣны, съ одной стороны благодаря множеству разсѣянныхъ въ немъ прекрасныхъ и мѣткихъ литературныхъ характеристикъ ¹⁾, строгой послѣдовательности плана и живому, увлекательному изложенію, нигдѣ не переходящему въ сухую номенклатуру (что иногда почти неизбежно въ сочиненіяхъ подобнаго рода), отчасти и благодаря тому, что авторъ, не входя въ излишнія подробности и

¹⁾ Таковы напр. характеристики Ранке (стр. 74 и сл.), Маколя (стр. 128 и сл., стр. 156 и сл.), Дону (стр. 220), Форіэля (стр. 248), Гизо (стр. 258) и проч.

не стремясь исчерпать весь библиографическій матеріалъ, придавъ своему обзору болѣе общій характеръ. Онъ не ограничился одною нѣмецкою исторіографіею, но коснулся и французскихъ, англійскихъ и даже американскихъ историковъ. Онъ именно задался мыслью представить сравнительное обозрѣніе новѣйшей учено-исторической литературы, — задался мыслью показать, какъ три первенствующія европейскія націи „поняли свою отечественную исторію или, говоря другими словами, какъ поняли онѣ самихъ себя, потому что ужъ нигдѣ конечно не высказывается въ такой степени самосознаніе націи, какъ въ томъ, какимъ образомъ она объясняетъ свою собственную исторію“ ¹⁾. Онъ исходилъ при этомъ изъ того положенія, что „духъ, творящій исторію и объясняющій ея созданныя явленія, — одинъ и тотъ же“ и что „во взглядахъ на эти явленія и въ ихъ оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, замѣтно направленіе общества, его цѣли, желанія и идеалы“.

Съ возвращеніемъ изъ за границы въ профессорской дѣятельности Петрова настаетъ новый періодъ. Онъ побывалъ въ Германіи, онъ присмотрѣлся къ преподаванію нѣмецкихъ профессоровъ — и научился уважать ихъ основательность, ихъ настойчивость въ борьбѣ съ разнаго рода трудностями, ихъ неутомимое трудолюбіе, ихъ способность къ самому мелочному анализу разсматриваемыхъ явленій, строгость ихъ критическихъ приемовъ. Потомъ онъ послушалъ лекціи въ Парижѣ, этомъ центрѣ ученой и литературной дѣятельности всей Франціи, — и отдалъ дань справедливаго удивленія ораторскому генію французскихъ профессоровъ, ихъ способности къ обобщеніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не замѣтить ихъ слабого знакомства съ иностранными литературами, ихъ поверхностности, порою даже диллетантизма. Въ лекціяхъ, читанныхъ имъ по возвращеніи въ Россію онъ попытался примирить эти два столь противоположныя направленія, найти средину между нѣмецкою Gröbeleі и французскимъ фразерствомъ. Онъ предпринялъ рядъ курсовъ, общихъ и специальныхъ, — курсовъ, опиравшихся, конечно, главнымъ образомъ на труды авторитетныхъ представителей исторической науки Запада,

¹⁾ См. вступительную рѣчь проф. М. Н. Петрова, произнесенную имъ на докторскомъ диспутѣ и напечатанную въ „Ученыхъ Извѣстіяхъ Моск. Унив.“ за 1865 г., № 4, стр. 282.

но, не смотря на это, отмѣченныхъ печатью оригинальности и самостоятельной мысли. Ясность, вразумительность, отсутствіе подавляющей массы подробностей, удобное и строго-систематическое расположеніе научнаго матеріала, точность выводовъ и при всѣхъ этихъ внутреннихъ достоинствахъ удивительное изящество формы—вотъ ихъ основныя черты. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ получили литературную отдѣлку и были напечатаны въ числѣ „Очерковъ изъ всемірной исторіи“. Таковы напр. „Мохаммедъ“ (происхожденіе ислама) ¹⁾, „Томасъ Мюнцеръ“ (великая крестьянская война) ²⁾, „Филиппъ II“ (Паденіе аррагонской конституціи) и проч. ³⁾.

Въ 1862 году М. Н. Петровъ былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, а въ ноябрѣ 1865 г. защитилъ свою докторскую диссертацию. Диспутъ происходилъ не въ Харьковѣ, а въ Москвѣ,—обстоятельство, вызванное, какъ кажется, начавшеюся въ то время въ харьковскомъ университетѣ борьбою партій и желаніемъ Петрова избавить себя отъ всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ товарищами по службѣ. Преніямъ предшествовала блестящая рѣчь докторанта объ отношеніи исторіи, какъ науки, къ естествовѣдѣнію, а оппонировали ему профессора В. И. Герье и Н. А. Поповъ. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, въ чемъ состояли ихъ возраженія ⁴⁾, но защита была признана удовлетворительною, и Петровъ приобрѣлъ степень доктора всеобщей исторіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора (въ 1866 г.), а черезъ полгода получилъ и ординатуру.

Между тѣмъ здоровье ему стало измѣняться и потребовало серьезнаго леченія. Случайныя обстоятельства вызвали болѣзнь глазъ, симптомы которой все болѣе и болѣе осложнялись и грозили

¹⁾ Очеркъ „Мохаммедъ“ былъ сперва напечатанъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“, потомъ изданъ отдѣльною брошюрою (1865 г.).

²⁾ Также.

³⁾ Кромѣ названныхъ Петровъ читалъ спеціальныя курсы по исторіи римскихъ цезарей, папства, французской революціи и проч.,—курсы, оставшіеся неизданными.

⁴⁾ Сущность этихъ возраженій изложена тамъ же, гдѣ помѣщена и рѣчь Петрова (Уч. Изв. М. Univ.), но въ моихъ рукахъ находился дефектный экземпляръ книги, а болѣе полного я достать не могъ.

опасными слѣдствіями. Встрѣтилась необходимость ѣхать за границу для совѣта съ лучшими европейскими окулистами, и вотъ, воспользовавшись каникулярнымъ временемъ, Мих. Наз. въ концѣ апрѣля 1867 г. отправился въ Берлинъ, гдѣ обратился за помощью къ знаменитому Альбрехту-фон-Грефе, а оттуда въ Висбаденъ. Путешествіе это продолжалось около пяти мѣсяцевъ, и по возвращеніи въ Россію онъ могъ снова приняться за обычныя занятія. Въ это время онъ издалъ нѣсколько раньше написанный имъ подробный разборъ докторской диссертациі В. К. Надлера „Адальбертъ Бременскій“, объявилъ въ университетѣ курсъ новой исторіи (XVI и XVII вв.) и сталъ готовить къ печати свои „Очерки“, которые и были выпущены имъ въ одномъ томѣ въ слѣдующемъ 1868 году.

Я не буду останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ этотъ томъ, но укажу здѣсь на общій ихъ характеръ. Это тѣмъ болѣе уместно, что въ „Очеркахъ изъ всемірной исторіи“ наилучшимъ образомъ сказались всѣ особенности ученаго направленія и литературнаго таланта покойнаго профессора. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что онъ предназначалъ ихъ не для однихъ только специалистовъ, не для однихъ только историковъ *ex professo*, а вообще для „любителей исторіи“, для публики и для юношества, какъ пособіе „при учебныхъ занятіяхъ этимъ предметомъ“. Какъ и въ прежнемъ своемъ трудѣ (о новѣйшей исторіографіи) и даже еще въ болѣе степени онъ имѣлъ здѣсь въ виду болѣе широкій кругъ читателей. Тѣмъ не менѣе было бы совершенно несправедливо и ошибочно на этомъ основаніи обвинять автора „очерковъ“ въ ненаучности, въ диллетантизмѣ. Возьмите любой изъ нихъ, прочтите его внимательно, и вы убѣдитесь въ несостоятельности подобнаго обвиненія. Обыкновенно въ началѣ авторъ приводитъ ученую литературу предмета, указываетъ на свои пособія, критически разбираетъ ихъ, опредѣляетъ ихъ относительную цѣну и достоинство, затѣмъ переходитъ къ самой темѣ сочиненія и здѣсь всегда умѣетъ выбрать особую оригинальную точку зрѣнія на предметъ, умѣетъ освѣтить разсматриваемый вопросъ съ новой стороны, подмѣтитъ новыя черты, либо совсѣмъ ускользнувшія отъ вниманія его предшественниковъ, либо недостаточно ярко и рельефно ими выдѣ-

ленные. При этомъ вездѣ васъ поражаетъ необыкновенно художественное, мастерское изложеніе, необыкновенное изящество и мѣткость выраженій. Петровъ принадлежалъ къ школѣ тѣхъ писателей-историковъ, которымъ когда то ставили въ упрекъ, что сочиненія ихъ написаны слишкомъ хорошимъ языкомъ для того, чтобы претендовать на названіе ученыхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ съ видимымъ сочувствіемъ приводитъ слова Маколея: „въ послѣднее время, говорить этотъ знаменитый англійскій историкъ по поводу флорентійской исторіи Маккиавелли, манера писать измѣнилась. Разсказъ повѣствователя сталъ болѣе точнымъ. Сомнительно, болѣе ли точныя представленія получилъ отъ того читатель. Мы почти готовы думать, что лучшія исторіи именно тѣ, гдѣ благоразумно введено немного поэтическаго вымысла. Кое-что утрачено въ точности разсказа, но выиграно много въ его общемъ впечатлѣніи; ускользнули нѣкоторыя тонкія линіи, но за то великія черты эпохи врѣзались въ душу на вѣки“ ¹⁾. У Петрова, какъ у Маколея, исторія есть сочетаніе поэзіи и философіи, — a compound of poetry and philosophy. Въ началѣ своего курса всеобщей исторіи онъ даетъ такое опредѣленіе этой науки: „исторія есть научное и вмѣстѣ художественное изложеніе прошедшей жизни человѣческаго рода; ея задача состоитъ въ художественно-вѣрномъ воспроизведеніи прошедшаго, а практическая польза въ томъ, что она учитъ насъ жить на свѣтѣ сознательно, т. е. понимать, откуда и какъ произошли явленія окружающей насъ общественной жизни и отчего эта жизнь именно такая, какою мы ее видимъ теперь“. Исходя изъ такого опредѣленія задачъ исторіи, Петровъ все свое вниманіе сосредоточивалъ не на детальной передачѣ фактовъ, не на внѣшнихъ явленіяхъ народной жизни, а на ихъ внутреннемъ значеніи и смыслѣ, на взаимной связи послѣдовательныхъ событій, на общихъ законахъ историческаго движенія, на психологическихъ мотивахъ, на такъ называемой „культурной“ исторіи. Онъ всегда старался выдвинуть впередъ тѣ, какъ онъ выражается, „невѣсомыя силы“, которыя собственно не проявляются „ни въ какомъ особенномъ, исключительномъ фактѣ или событіи, но которыя однакожъ незримо участвуютъ въ каждомъ и одушевляютъ все, подобно тому какъ свѣтъ, теплота, элек-

¹⁾ Петровъ, „Нов. нац. историогр.“, стр. 129.

тричество проникають и дѣйствуютъ во всѣхъ предметахъ". Это суть — духъ вѣка, характеръ народный, мѣстные вліянія.

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ слышать упреки и жалобы на то, что покойный профессоръ послѣ своихъ „Очерковъ“, вышедшихъ въ первый разъ въ 1868 г. и потомъ съ нѣкоторыми поправками и дополненіями переизданныхъ въ 1882 г., не написалъ ничего крупнаго, ничего такого, что соотвѣтствовало бы его дарованіямъ и безспорной учености. Упреки эти теряютъ однакожъ въ нашихъ глазахъ всю свою силу, когда мы припомнимъ, что именно въ семидесятихъ годахъ были имъ окончательно отдѣланы и приведены въ порядокъ его курсы исторіи древняго міра, среднихъ вѣковъ и новаго времени, доведенные имъ вплоть до начала нынѣшняго столѣтія. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и то, что кромѣ своихъ ближайшихъ и непосредственныхъ обязанностей профессора всеобщей исторіи, кромѣ должности секретаря историко-филологическаго факультета, которую онъ съ перерывами исправлялъ почти втеченіе всего своего служебнаго поприща, М. Н. Петровъ за отсутствіемъ преподавателя русской исторіи принужденъ былъ неоднократно читать студентамъ и этотъ предметъ, не составлявшій собственно прямой его специальности. Вообще говоря, преподавательная дѣятельность отнимала у нашего историка очень много времени и живо его интересовала. Вопросъ объ учебной постановкѣ любимаго предмета его занятій въ нашихъ школахъ, низшихъ и высшихъ, составлялъ его большое мѣсто, и потому лица, хорошо знавшія покойнаго, не были особенно удивлены, когда онъ въ декабрѣ 1881 года вдругъ выступилъ въ мѣстной газетѣ съ полемическою статьею, посвященною именно этому вопросу, — хотя въ сущности полемика нисколько не соотвѣтствовала ни его характеру, ни личнымъ вкусамъ и наклонностямъ.

Статья эта, выпущенная также и отдѣльною брошюрою, была озаглавлена такъ: „Историческая подготовка. Pro domo sua“. Въ ней авторъ возставалъ главнымъ образомъ противъ недостатковъ нынѣшнихъ учебныхъ курсовъ исторіи и самыхъ способовъ ея преподаванія. Онъ указывалъ на мертвящій формализмъ этихъ курсовъ, на полное отсутствіе въ нихъ всего, что могло бы способствовать разумному, сознательному усвоенію столь сложнаго

предмета, какъ всеобщая исторія, на массу безтолково нагроможденныхъ въ нихъ, связанныхъ между собою чисто внѣшнимъ образомъ, неосмысленныхъ, а потому и ни къ чему непригодныхъ фактовъ, обременяющихъ только память ученика, но ничего не говорящихъ его уму. Петровъ высказывалъ убѣжденіе, что, пока преподаваніе исторіи будетъ идти такимъ путемъ, до тѣхъ поръ нечего и думать, чтобы въ головѣ ученика каждое отдѣльное лицо и событіе получило „смыслъ, цѣну, надлежащее мѣсто и освѣщеніе“, чтобы онъ имѣлъ „хотя слабое представленіе о механизмѣ историческаго движенія, о неизмѣнныхъ, такъ сказать, роковыхъ силахъ исторіи, о причинной зависимости между явленіями, составляющими предметъ этой науки. Въ заключеніе съ цѣлью нагляднымъ образомъ разъяснить читателю свою основную мысль авторъ приводилъ „приблизительный конспектъ настоящей исторіи Англіи“,—„ея общій обликъ“, изъ котораго по его мнѣнію должны были отчетливо выступить „все крупныя черты нынѣшнихъ англичанъ“ и притомъ выступить, „какъ необходимыя части цѣльнаго образа“.

Статья въ свое время надѣлала шуму. Въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась сочувственная рецензія, „въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“—колкое письмо Д. Иловайскаго, задѣтаго Петровымъ въ качествѣ составителя наиболѣе распространенныхъ учебно-историческихъ курсовъ. Въ обществѣ объ „Исторической подготовкѣ“ много толковали и ожидали, что ея авторъ не остановится на полдорогѣ, не ограничится отрицательною стороною дѣла, но и положительнымъ образомъ попытается удовлетворить назрѣвшей потребности въ хорошемъ школьномъ руководствѣ по исторіи. Эти ожиданія были не совсѣмъ безосновательны. Студентамъ, слушателямъ Петрова, было извѣстно, что онъ трудится надъ составленіемъ какого-то учебника всеобщей исторіи для среднеучебныхъ заведеній, а нѣкоторые изъ нихъ даже слышали изъ его собственныхъ устъ отрывки изъ этого учебника. Къ сожалѣнію планамъ профессора не суждено было осуществиться, и его трудъ остался недоконченнымъ. Послѣ смерти въ его бумагахъ отыскалась рукопись, заключающая въ себѣ только одно начало предположеннаго руководства, а именно—общія понятія или историческую пропедевтику, географическій обзоръ древняго міра, исто-

рію древняго востока и часть греческой исторіи, — все это въ нѣсколькихъ тетрадкахъ, которыхъ хватило бы не болѣе, какъ на 6—8 печатныхъ листовъ. Исключительную особенность этой книги повидимому должны были составлять присоединенные въ концѣ каждаго параграфа вопросы для ученика, темы для школьных и домашнихъ упражненій по исторіи, перечень наиболѣе доступныхъ пособій и обильный матеріаль для объясненій преподавателя. Этимъ объясненіямъ, естественно, авторъ придавалъ весьма большое значеніе и потому въ подробныхъ и обстоятельныхъ примѣчаніяхъ къ тексту разсѣлялъ массу драгоценныхъ педагогическихъ указаній и совѣтовъ ¹⁾. Кромѣ того каждый самостоятельный отдѣлъ учебника онъ предполагалъ заключить повторительнымъ образомъ пройденнаго. Все это вмѣстѣ должно было служить къ тому, чтобы съ одной стороны „возбуждать въ учащихся самостоятельную работу мысли“, „развивать въ нихъ историческій смыслъ и сообразительность“, съ другой—содѣйствовать болѣе твердому усвоенію фактическихъ данныхъ, облегчать ихъ запоминаніе ²⁾.

Въ непосредственной связи съ этимъ неоконченнымъ руководствомъ стоялъ университетскій курсъ Петрова, имѣвшій съ нимъ одинаковый планъ и проникнутый тою же основною идеею. Все различіе между тѣмъ и другимъ заключалось лишь въ большей краткости, простотѣ и элементарности перваго, въ отсутствіи педагогическихъ примѣчаній и вопросовъ—во второмъ. Съ характеромъ и направленіемъ курса Петровъ знакомилъ слушателей въ обширномъ введеніи, въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: „у насъ есть много учебниковъ всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ, но русскаго учебника до сихъ поръ нѣтъ ни одного, такъ какъ всѣ извѣстныя руководства по этому предмету

¹⁾ Было бы очень желательно, чтобы этотъ отрывокъ появился въ печати, такъ какъ, не смотря на то, что попытка Петрова написать руководство ко всеобщей исторіи такъ и осталась попыткою, въ педагогическомъ отношеніи не лишено было бы значенія и то небольшое, что авторъ успѣлъ сдѣлать. Быть можетъ, мысли его нашли бы сочувствіе среди лицъ компетентныхъ и вызвали бы въ комъ-нибудь изъ нихъ желаніе довершить то, что было имъ задумано.

²⁾ Насколько занимала Петрова мысль о постановкѣ преподаванія исторіи въ нашей средней школѣ, видно изъ его бумагъ, въ числѣ которыхъ сохранилась подробная записка, посвященная этому вопросу.

или просто переводы нѣмецкихъ учебныхъ курсовъ, или же составлены по нѣмецкимъ образцамъ. Конечно, наша историческая литература вообще будетъ еще долго въ зависимости отъ нѣмецкихъ историческихъ изслѣдованій, по богатству, разнообразію и основательности далеко опередившихъ историческіе труды французовъ и англичанъ,—тѣмъ болѣе, что даже частныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ исторіи вообще у насъ чрезвычайно мало; но самостоятельное русское руководство къ изученію всеобщей исторіи намъ имѣть бы уже пора. Предстоящее изложеніе есть опытъ такого русскаго учебнаго курса всеобщей исторіи. Самостоятельность его будетъ состоять, конечно, не въ открытіи какихъ-нибудь новыхъ сторонъ и явленій минувшей жизни, не въ оригинальности изслѣдованія уже извѣстныхъ, но главнымъ образомъ въ русской точкѣ зрѣнія на цѣлое теченіе всемірной исторіи и согласной съ этимъ русскимъ взглядомъ классификаціи, выборѣ, планировкѣ и оцѣнкѣ событій“. Этотъ „русской взглядъ“ у профессора между прочимъ выразился въ томъ, что въ противоположность нѣмецкимъ курсамъ, обыкновенно игнорирующимъ славянство, онъ славянскому міру отвелъ весьма видное мѣсто и постарался опредѣлить какъ „его значеніе и роль въ общемъ движеніи исторіи“, такъ и „его отношеніе къ другимъ историческимъ народамъ“.

Университетскій курсъ Петрова отличался необыкновенною сжатостью и строгою выдержанностью плана. Авторъ ни на минуту не упускалъ изъ виду своей главной цѣли—дать общій, цѣльный, осмысленный и всесторонній обзоръ жизни народовъ древняго и новаго міра,—такой обзоръ, который бы не оставлялъ необъясненнымъ ни одного историческаго явленія, и въ то же время быть, сколь возможно, краткимъ. „Нужно такъ писать“, говаривалъ онъ, „чтобы изъ книги слова нельзя было выбросить, чтобы въ ней не было ничего лишняго“. И слѣдуетъ ему отдать справедливость, этимъ труднымъ искусствомъ онъ овладѣлъ въ совершенствѣ. Каждому факту, каждому историческому дѣятелю онъ умѣлъ отвести ровно столько мѣста, сколько было необходимо для того, чтобы стройность системы не нарушалась. Онъ не увлекался болѣе подробною разработкою однихъ отдѣловъ въ ущербъ другимъ,—ошибка, столь свойственная всѣмъ состави-

телямъ „всемирныхъ исторій“: Петровъ принялъ во вниманіе всѣ элементы, всѣ факторы исторической жизни, но ни одному изъ нихъ не отдалъ преимущества передъ другими. Онъ успѣлъ найти середину между чисто фактической исторію и исторією философскою, и, что важнѣе, успѣлъ вездѣ удержаться на этомъ среднемъ пути ¹⁾.

Какъ сказано, возникновеніе этого курса относится къ семидесятымъ годамъ. Да оно и понятно: вѣдь курсъ этотъ предполагаетъ въ составителѣ такую опытность и такую эрудицію, какою тотъ конечно не обладалъ въ началѣ своей ученой дѣятельности. Такимъ образомъ его субстратомъ послужили всѣ тѣ спеціальныя курсы, которые профессоръ читалъ раньше и которые были посвящены болѣе обстоятельной и детальной разработкѣ различныхъ частныхъ отдѣловъ всеобщей исторіи. Вообще семидесятые года, особенно же вторая ихъ половина—это было время, когда покойный Мих. Наз. особенно много и усиленно работалъ. Въ жизни его произошелъ крутой переворотъ. Женясь въ сентябрѣ 1871 года на дочери лектора итальянскаго языка Елизаветѣ Амвросіевнѣ Данини и скоро вслѣдъ затѣмъ потерявъ молодую жену, оставившую послѣ себя маленькую дочь, онъ весь отдался заботамъ о ребенкѣ и научнымъ занятіямъ.

Къ сожалѣнію однако въ печати послѣ упомянутой выше статьи объ „Исторической подготовкѣ“ съ именемъ Петрова не появлялось уже болѣе ничего, если не считать двухъ небольшихъ рецензій, изъ которыхъ одна была посвящена книгѣ проф. И. П. Лазаревича „Дѣятельность женщинъ“ („Южн. Край“, 1883, № 807), другая же—одной изъ моихъ студенческихъ работъ (Харьк. Вѣд., 1884, № 29). Первая имѣла впрочемъ довольно общій интересъ, затрогивая жгучій вопросъ о женскомъ образованіи,—вопросъ, тѣмъ болѣе занимавшій автора рецензій, что на его рукахъ по смерти жены оставалась дѣвочка, которую онъ горячо и беззавѣтно любилъ и воспитанію которой думалъ посвятить послѣдніе годы своей жизни. Въ своей статьѣ онъ съ глубокимъ чувствомъ боли и горечи жаловался на недостатки нашихъ женскихъ школъ: „Дѣвушка

¹⁾ Въ настоящее время предпринято изданіе этого курса съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, вызываемыми, естественно, ростомъ исторической науки, ея успѣхами за послѣднее десятилѣтіе.

окончивъ полный курсъ въ институтѣ, пансіонѣ или гимназіи“, писалъ онъ, „приносить въ семью какое то общее, даже слишкомъ общее развитіе, которое, какъ безцѣльное, представляетъ лишь мертвый капиталъ, а подчасъ и опасное оружіе. Но въ сущности она не приготовлена ни къ чему. Если она замужемъ, она почти бесполезна мужу и дѣтямъ, потому что знаетъ то же, что и мужъ, только меньше и хуже его, и, ставъ лицомъ къ лицу съ практическими интересами семьи, начинаетъ съ того, чтобы, выкинувъ поскорѣе за бортъ свое школьное ученіе, нахвататься, какъ ни попало, свѣдѣній, необходимыхъ въ повседневномъ быту. Если же она замужъ не вышла, а собственныхъ средствъ не имѣетъ, то ей нечѣмъ заработать себѣ кусокъ хлѣба, потому что основательно она не знаетъ ничего. И вотъ газеты наполняются безплодными публикаціями объ ищущихъ занятій молодыхъ особахъ, а общественное распутство сторожитъ свои легкія жертвы“. По мнѣнію автора „весь узелъ этого вопроса“—въ нисшей и особенно въ средней школѣ, коренная реорганизація которой казалась ему настоятельною необходимостью. „И прежде всего, читаемъ мы у него далѣе, поменьше общеобразовательныхъ заведеній, устроенныхъ по одному и тому же общему съ мужскими шаблону, сумѣвшихъ до сихъ поръ поставлять только посредственныхъ гувернантокъ, и побольше школъ профессиональныхъ спеціальныхъ, которыя бы давали обществу надежныхъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ женскаго труда“... Поэтому „нѣтъ никакого основанія приравнивать и подгонять къ этому типу и всѣ частныя женскія школы, какъ это дѣлается теперь. Напротивъ, надо всячески благопріятствовать частной инициативѣ и открывать просторъ ея предпріимчивости. Пусть одинъ учреждаетъ школу съ главною задачею изученія языковъ, другой съ искусствами во главѣ, третій школу съ преобладающимъ значеніемъ домашняго хозяйства и рукодѣлій или какое-нибудь лечебно-воспитательное заведеніе для хилыхъ и болѣзненныхъ дѣвочекъ и т. д., лишь бы не было въ нихъ ничего противобщественнаго и вреднаго, для чего и существуетъ верховный правительственный контроль. Тогда каждый по своимъ вкусамъ, потребностямъ и средствамъ найдетъ бы то, что ему нужно; а между тѣмъ посреди разнообразія такихъ частныхъ учебно-воспита-

тельныхъ предпріятій выработались бы типы ихъ, наиболѣе пригодные для общества, способные послужить небезполезнымъ узаніемъ и для самого государства“.

Приводя эту длинную выписку, которою и заключаемъ свой обзоръ литературной дѣятельности Петрова, мы не хотимъ конечно сказать, что вполнѣ раздѣляемъ его взгляды. Необходимость общаго образованія, безъ котораго немислимы и дѣльные спеціалисты, вообще отрицать довольно трудно. Но мы все же думаемъ, что въ словахъ покойнаго профессора есть немалая доля правды и что во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ вниманія.

Въ маѣ прошлаго 1886 года Мих. Наз. вышелъ въ отставку и спѣшилъ устроить свои дѣла, чтобы навсегда оставить Харьковъ и поселиться гдѣ-нибудь на югѣ, въ Крыму или за границей, отдохнуть и серьезнѣе и внимательнѣе заняться воспитаніемъ дочери. Планамъ этимъ однако не суждено было осуществиться. Скоропостижная смерть пресѣкла его дни въ ту самую минуту, когда онъ уже былъ близокъ къ своей заветной цѣли, когда онъ со дня на день ожидалъ окончательнаго рѣшенія относительно выслуженной имъ пенсіи и почти совершенно приготовился къ отъѣзду. 23-го января 1887 г. его не стало....

Наша замѣтка была бы не полна, если бы мы не сдѣлали попытки въ двухъ-трехъ строкахъ очертить нравственный обликъ покойнаго, какъ онъ рисовался въ воображеніи тѣхъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться.

Обходительный, привѣтливый, радушный, въ молодости любившій общество и ведшій довольно свѣтскую жизнь, Мих. Наз. Петровъ подъ старость сталъ нѣсколько угрюмъ и сдержанъ и держался особнякомъ. Кромѣ университета онъ мало-гдѣ бывалъ, да и у себя принималъ лишь немногихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ отношеніи къ своимъ товарищамъ-профессорамъ и къ своимъ слушателямъ онъ сумѣлъ поставить себя такъ, что всѣ его глубоко уважали и за то спокойное достоинство, съ которымъ онъ всегда себя держалъ, и за честность и независимость его образа мыслей, и за столь свойственную ему деликатность въ обращеніи и удивительный тактъ. Онъ не искалъ вліянія и сторонился отъ университетскихъ партій, руководясь въ своихъ поступкахъ лишь собственнымъ убѣжденіемъ. Студенты въ немъ цѣнили не только

прекраснаго лектора, не только профессора съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ, но и человѣка, сумѣвшаго внушить имъ къ себѣ полное довѣріе и всегда охотно и умѣло помогавшаго каждому совѣтами и указаніями во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые касались предметовъ его спеціальности. Мало того, Мих. Наз. съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчалъ всѣхъ, въ комъ усматривалъ способности и интересъ къ научнымъ занятіямъ, и всячески старался пробудить въ учащихся стремленіе къ самодѣятельности. Съ этою цѣлью онъ не довольствовался однимъ чтеніемъ лекцій, но требовалъ отъ студентовъ и самостоятельныхъ работъ по исторіи, указывая для нихъ темы ¹⁾ и

¹⁾ Практическимъ упражненіямъ студентовъ при изученіи исторіи проф. Петровъ придавалъ очень много значенія. Такъ въ одной изъ оставшихся послѣ него бумагъ сохранился набросокъ общаго плана этихъ упражненій, очевидно, составленный въ весьма недавнее время, уже въ послѣдніе годы профессорской дѣятельности покойнаго. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: „главная цѣль практическихъ упражненій—пріучать студентовъ къ правильному обращенію съ источниками, но вести ихъ надо постепенно, переходя послѣдовательно отъ болѣе легкихъ къ труднѣйшимъ. Такъ по классической (sic) исторіи они могутъ представлять слѣдующіе виды. По даннымъ, сообщеннымъ на лекціяхъ, студенты поочередно составляють обзоры главнѣйшихъ греческихъ и римскихъ историковъ съ указаніемъ обстоятельствъ ихъ жизни, содержанія ихъ сочиненій, ихъ собственныхъ источниковъ, степени достовѣрности ихъ извѣстій и отношеній каждаго изъ нихъ къ другимъ. Когда такимъ образомъ получится небольшой курсъ античной исторіографіи, составленный самими студентами, профессоръ сообщаетъ главнѣйшія понятія о правилахъ и приемахъ исторической критики. Слѣдующую затѣмъ ступень могло бы составить сличеніе извѣстій греческихъ историковъ о судьбахъ древняго Востока съ результатами новѣйшей оріенталистики, напр. свидѣтельствъ второй книги Геродота (объ Египтѣ) съ ученіемъ современной египтологіи. Далѣе могла бы быть предпринята точная провѣрка изложенія извѣстныхъ событій у нынѣшнихъ знаменитыхъ историковъ по источникамъ, сюда относящимся, - напр. провѣрка тѣхъ или другихъ событій пелопоннесской войны, какъ они изложены у Курціуса, по Фукидиду и Ксенофону или—различныхъ эпизодовъ второй Пунической войны у Моммзена—по Ливію и Полибію. Наконецъ высшую ступень этихъ работъ могла бы представить сравнительная оцѣнка показаній различныхъ классическихъ историковъ, писавшихъ объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, напр. Геродота и Діодора о нашествіи Ксеркса, Арріана, Діодора, Кв. Курція и Плутарха—объ Александрѣ Вел., Тацита, Светонія и Діона Кассія—о первыхъ цезаряхъ и т. д.“. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ темъ, которыя Мих. Наз. предлагалъ своимъ слушателямъ для письменныхъ работъ на дому: „Очеркъ религіознаго и общественнаго ученія Браминавъ“ (по Веберу,

разсматривая поданныя сочиненія съ необыкновенною тщательностью и вниманіемъ. Вообще онъ былъ не только ученымъ, но и педагогомъ, и не одинъ изъ его бывшихъ учениковъ, дѣйствующихъ теперь на томъ же педагогическомъ поприщѣ, вспоминая о немъ, пожалѣетъ, что сошелъ съ жизненной сцены этотъ честный и полезный дѣятель.

Multis ille bonis flebilis occidit!

Харьковъ.

20 марта 1887 г.

Дункеру, Лассену и др.); „Общественное значеніе Дельфійскаго оракула въ греческомъ мірѣ“ (Гётте, Леонтьевъ, Гротъ, Курціусъ); „Понтіійскія колоніи грековъ, насколько вопросъ этотъ разработанъ трудами Новороссійскаго Общества Исторіи и Древностей“ (по запискамъ Общества); „Древнѣйшій періодъ исторіи Арабовъ (до Магомета)“ и проч.

